

УДК [81-23:316.273]:37.02

**ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОНИМАНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ**

М.Х. Манликова

Представлены материалы этнопсихолингвистического эксперимента, проведенного с носителями русского и киргизского языков для определения методических путей понимания и восприятия иноязычного/инокультурного текста.

Ключевые слова: этнопсихолингвистика; язык – культура – этнос – человек; ассоциативный эксперимент; методика преподавания русского языка и литературы; понимание художественных текстов.

**THE ETHNOPSYCHOLOGICAL LINGUISTIC BASES OF UNDERSTANDING LITERARY TEXT
IN TEACHING METHOD OF RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE**

M.H. Manlikova

The article is presented experimental material of ethnopsychology of linguistic, conducted with native speaker of Russian and Kyrgyz languages to determine the methodological ways of understanding and perception of foreign language / foreign cultural text.

Keywords: ethnopsychology of linguistic; language-culture-ethno-person; associated experiment; method of Russian language and literature; understanding literary text.

Существенное значение для теоретического обоснования и практического развития педагогики приобщения ко второму языку и его культуре имеют результаты исследований психологии международной межкультурной коммуникации, в частности общесемантических предпосылок корректного понимания и интерпретации иноязычного-инонационального художественного текста.

По мнению А.А. Брудного, существование человеческого сознания зависит от триединства: культура, смысл, общение. В основе порождения феноменов культуры лежит специфическая человеческая потребность в общении. Ученый объясняет это тем, что любой феномен культуры обращен к людям, становится достоянием их сознания, влияет на их мысли и поступки. И в этом – основа существования культуры. Иначе говоря, культура в своих конкретных проявлениях включается в коммуникативный процесс, ее социальное существование становится фактом коммуникации. Несмотря на то, что каждый человек принадлежит к определенной данной культуре, как считают авторы, "...многообразие исторически сложившихся культур есть достояние человечества как единого

целого", а "...мысль одного человека может всегда стать достоянием другого, ценности одной культуры – стать доступными другой" [1, с. 10].

Для исследования этнопсихолингвистических основ обучения второму языку и его литературе, адекватного и глубокого понимания и восприятия текстов художественной литературы необходимо было создать этнокультуроведческую лексикографическую базу методики преподавания русского языка и литературы [2]. Для оптимизации педагогического сопряжения языков и культур показательны, в частности, данные педагогически ориентированного свободного ассоциативного эксперимента, проведенного нами с учащимися городских и сельских киргизских и русских школ Кыргызстана. Цель – выявить национальную специфику ассоциативного восприятия существенных зон русской этнокультуроведческой лексики, фигурирующей в учебных текстах русскоязычного курса киргизской школы, а также причины, препятствующие адекватному и глубокому пониманию текстов иноязычной/инонациональной литературы.

Для того чтобы смоделировать у иноязычных/инонациональных учащихся определенные

фоновые знания в области, изучаемой на уроках литературы, русской национальной культуры, необходимо, прежде всего, выяснить, какими сведениями такого рода обладают школьники к тому моменту, когда предпринимается этнокультурно ориентированное обучение. Этому и был посвящен наш ассоциативный эксперимент, который проводился по общепринятой методике (А.А. Леонтьев, 1976; А.А. Залевская, 1990; Л.Н. Титова, 1975 и др.).

В свободном ассоциативном эксперименте, как известно, при восприятии испытуемым слов-стимулов должна возбуждаться "...огромная система связей, которая отображает ситуации, эмоциональные состояния, комплекс образов, предметов, действия, слов, встречающихся в их жизненном и художественном опыте" [3]. Эксперимент должен был в достаточной степени объективно выявить в сознании воспринимающих в ассоциативном ряду слов-реакций значение предъявляемых испытуемым слов-стимулов, как русской, так и киргизской аудитории. А несовпадение ассоциативных полей, если бы таковое было обнаружено, позволило бы определить различие уровня восприятия и понимания киргизскими учащимися русских слов с национально-культурным компонентом, фигурирующих в учебных текстах курса. Это позволило в дальнейшем не только прогнозировать трудности восприятия и понимания предложенных школьникам слов, но и предупредить перенос несвойственных русскому языку ассоциаций из родного языка и, наоборот, при чтении иноязычных и иномациональных художественных произведений [4].

Информантами в нашем эксперименте выступали учащиеся IX–XI классов киргизских и русских школ разных регионов Кыргызстана (Чуйская, Нарынская, Ошская, Иссык-Кульская области; средние школы г. Бишкека). Эксперимент охватил 600 человек: по 300 русских и киргизских учащихся.

В словник было включено 767 слов, выделенных нами ранее на основании определенных критериев отбора этнокультуроведческой лексики и относящихся к основным разрядам понятийно-безэквивалентной лексики:

- а) этнографизмы-руссизмы (армяк, алтын, горница, крыльцо, няня, щи, ямщик и др.);
- б) историзмы-русизмы (барин, городничий, государь и др.);
- в) исконно русские мифологизмы-русизмы (церковь, поп и др.);
- г) историзмы-интернационализмы (граф, гурвернер, карета, лакей и др.);
- д) бытовые регионализмы, иностранные общеязыковые заимствования, локализмы (вист, акын, сакля, улан и др.);

е) региональные мифологизмы-ритуализмы (демон, икона и др.);

ж) натурализмы (крещенский мороз и др.);

Фоново-коннотативные слова:

а) книжные поэтизмы и "высокая", торжественно-риторически окрашенная лексика (дева, отечество и др.);

б) фольклоризмы (девица, молодец, тридевятый и др.);

в) общеязыковые и локально-исторические литературные образы-символы (буря, кнут, топор, ярем, ярмо и др.);

г) оценочные слова характеристики (недруг, подлец, хрыч, сторонущка, судьбина и др.);

д) этикетные слова – официальные обращения и их компоненты (благородие, милость, сударь и др.);

е) ласкательно-почтительные и фамильярно-просторечные обращения (батюшка, матушка, братец, голубушка и др.);

ж) ономастическая лексика, в частности антропонимы (Палашка, Савельич и др.).

Материалы по этим словам-стимулам, семантика которых, судя по результатам специального проведенного ранее анализа, содержит в себе национально-культурный компонент, представлены в "Ассоциативном словаре русской этнокультуроведческой лексики" и ассоциативном этнокультуроведческом словаре "Русский язык и русская культура" [5].

Выделим в качестве иллюстраций некоторые достаточно устойчивые и специфичные спектры ассоциаций учащихся-киргизов на ряд русских этнолексем, играющих существенную роль в ключевых учебных текстах курса русской литературы.

Возьмем, к примеру, слово-стимул сарафан. И для русских, и для киргизов это – платье; такова в обеих группах наиболее распространенная ассоциация. Но в русскоязычной группе тут же вспоминают о том, что это национальный русский наряд (39 человек) и что это – платье русской крестьянки (27). А в киргизской группе таких массово представленных ассоциаций нет. Отсюда – реальная опасность непонимания или неточного восприятия знаменательной реплики коменданта Ивана Кузьмича Миронова, обращенной к Василисе Егоровне в момент их прощания, перед осадой пугачевцами Белогорской крепости: "Ступайте, ступайте же домой; да коли успеешь, надень на Машу сарафан" ("Капитанская дочка" А.С. Пушкина). И ведь здесь важно не только понять, что крестьянское девичье платье должно было спасти Машу, капитанскую дочку, от расправы пугачевцев, но и ощутить всю драматическую напряженность атмосферы непримиримого столкновения сословий, воссозданную

поэтом. Без сформированного этнокультурного ассоциативного “фона” почувствовать это, конечно же, невозможно или весьма затруднительно.

Слово кушак оказалось практически не освоенным почти 100 % киргизских учащихся – 289 человек (из 300) не дали никаких ассоциатов. А ученики русских групп в процессе свободного ассоциативного эксперимента обнаружили наличие ассоциаций, явно специфических для русского культурно-языкового сознания: пояс – 87 (К-1), длинный – 18, теплый – 16, красный – 5, крестьянин – 5, тулуп – 5, ямщик – 5, ремень – 3 (К-1), белый – 2, вышитый, крестьянский, опоясывает, подпоясан, подпоясывать, полушубок, старина, русский, черный, яркий – по 1.

Разумеется и ученики-киргизы встречали слово кушак в учебном художественном тексте – в стихах Пушкина: “Ямщик сидит на облучке. В тулупе, в красном кушаке”. Но эта встреча не была акцентирована, прокомментирована, поддержана последующими словообразными реминисценциями, что привело к тому, что в сознании школьников этнокультурное слово не обросло роem ассоциаций.

Как и предполагалось перед организацией эксперимента, ряд тюркских по происхождению слов, вошедших в русский язык, учащиеся-киргизы, несмотря на то, что эксперимент проводился в контексте курса русской литературы, часто ассоциировали с теми значениями, которые данные лексемы имеют не в русском, а в киргизском языке. Симптоматичны в этом отношении реакции киргизских учащихся на слова аз, алтын, колпак и др.

Вот другой пример из той же “Капитанской дочки”, из первых глав романа. Петр Андреевич Гринев – впервые в доме Мироновых, знакомится с Машей. Ее мать так говорит о девушке: “Девка на выданье, а какое у нее приданое? Частый грёбень, да венник, да алтын денег...” Следует ремарка рассказчика: “Я взглянул на Марью Ивановну: она вся покраснела, и даже слезы капнули на ее тарелку”. Для русского читателя здесь все понятно: Мироновы бедны, Маша – бесприданница. Ей обидно и стыдно из-за того, что мать говорит об этом.

Массовые ассоциации русских, связанные со словом алтын: мелкая монета (37), медные деньги (26), грош (7), грошовый (8).

А у киргизов? Название старинной русской монеты алтын незнакомо большинству учащихся-киргизов. 117 человек из 300 соотносят это слово с “именем девушки” – Алтын или с “золотом” (алтын – по-киргизски “золото”) – 62 человека. У русских учащихся таких ассоциаций не возникло. Несмотря на контекст русской литературы, в котором проводился эксперимент, самые частые

ассоциаты – на “межязыковой омоним”, т. е. на фонетически сходно оформленное киргизское слово: имя девушки (117), золото (62), кольцо, серебро, дорогой камень (по 4), даже богатство (2). Иначе говоря, реакция – прямо противоположная адекватной. А значит, потенциально резко осложняющая восприятие приведенного текста.

А слово “аз”, означающее старинное название первой буквы русского алфавита, вызывает у киргизских информантов ассоциат “мало” (аз – по-киргизски “мало”) – 44 человека; у русских: буква – 9, буки (вторая буква старого алфавита) – 47, азбука – 46, “а” – 42, буква “а” – 38, начало – 37, буква – 30, алфавит – 9, буки, веди – 4, первая буква – 4, слово – 4, азы – 3, древность, мудрость, наука, перо, словарь, старинная буква, старинная русская буква, старославянский, ученица и др. – по 1.

На слово колпак в киргизских группах из 300 информантов 126 человек дали ассоциат “киргизский” (Р – 0). Иначе говоря, колпак здесь отождествлен с “ак-калпаком” – национальным головным убором киргизов. Вот типичные слова-реакции учащихся-киргизов: белый – 21 (Р – 0), национальный – 13 (Р – 0), джигит – 12 (Р – 0), национальная одежда – 2, казахский – 1 (Р – 0) и др. Типичные ассоциации русских: ночной – 8, высокий – 7, шут – 6, Петрушка – 3, треугольный (треуголка – 4) – 3, клоун – 2, бубончик, бумажный, в горошек, звездный, звездочет, красный, медицинский, пестрый, с кисточкой, цветной, черный и др. – по 1; общие: головной убор, шапка, шляпа и др. Судя по данным ассоциативного эксперимента, киргизские учащиеся, очевидно, могут представить себе и персонажей русской литературы – помещика XIX в. Плюшкина и яицкого атамана Емельяна Пугачева, а также капитана императорских войск Миронова чаще всего в белом “ак калпаке” – традиционном головном уборе мужчин-киргизов.

Заметим также, что в реакциях киргизоязычной группы чаще преобладают (там, где для этого имеется повод) современные бытовые ассоциации, а в реакциях русских – национально-культурные и историко-культурные. На слово-стимул комендант русские реагируют прежде всего ассоциациями: крепость (75), начальник (49), город (14), а у киргизов – общежитие (32). Первая реакция на слово-стимул пансион у русских – для благородных девиц (25), у киргизов – пансионат (20), лагерь (8).

Отметим, что различия четко проявляются не только в содержании реакций, в основных направлениях ассоциирования, но и в их количестве. И в общем количестве информантов, давших ответы (к примеру, на слово-стимул алтарь русские дали вчетверо больше ассоциаций, чем киргизы;

причем из числа первых вообще не реагировали на это слово 35 человек, а из числа вторых – 251; в обоих случаях, напоминая, из 300).

Нередко представители киргизоязычной группы вместо ассоциации записывали слово-стимул; поскольку инструкция была достаточно четкой, естественен вывод о том, что это – такие случаи, когда, как отмечается по аналогичным поводам в специальной литературе, слово-стимул недостаточно понятно испытуемому. Сходные причины, по всей видимости, и, на первый взгляд, совершенно неожиданных, семантически как будто немотивированных реакций – таких, как первая реакция части испытуемых-киргизов на слово-стимул авось: телега (37 чел.). Стимул явно непонятен реципиентам, воспринят по созвучию как “овес” – отсюда и ассоциация, через представление о лошади, с телегой...

Все эти факторы, как предполагалось, должны были сказаться (и отчасти сказались) на некоторых “смещениях” ассоциативной картины восприятия ряда русских слов-стимулов испытуемыми-киргизами – по сравнению с той картиной, какую уместно было бы ожидать от материалов по отдаленным, “чисто киргизским” школам.

Тем не менее, и в подобных условиях выявились достаточно устойчивые и специфичные спектры ассоциаций учащих-киргизов на ряд русских этнолексем, играющих существенную роль в ключевых учебных текстах русской литературы.

Материалы проведенного нами психолингвистического ассоциативного эксперимента представляют значительный интерес и для межкультурных и межнациональных сопоставлений и исследований. Они позволяют выявить как общечеловеческие связи в ассоциациях русских и киргизских учащихся, так и различие между ними в восприятии и понимании ими данных слов в условиях одного региона, но различных языков и культур.

Покажем это на примере ассоциативных реакций каждой из групп информантов на некоторые этнокультуроведческие слова, выделенные из конкретного произведения курса русской литературы в IX классе киргизской школы – стихотворения М.Ю. Лермонтова “Родина”. Это такие слова: телега (“Проселочным путем люблю скакать в телеге...”), береза (“И на холме среди желтой нивы Чету белеющих берез...”), изба (“С отрадой многим не знакомой, Я вижу полное гумно, Избу покрытую соломой...”), пляска (“Смотреть до полночи готов на пляску с топаньем и свистом...”) и др.

Сопоставление ассоциативных полей этих слов-ассоциатов позволяет сделать некоторые выводы о характере большей или меньшей приобщенности учащихся-киргизов к русской культуре

благодаря усвоению ими русскоязычных школьных курсов, воздействию речевой среды и процесса взаимообогащения культур народов СНГ.

Возьмем для примера слово изба. Существенно различаются как по объему, так и по составу спектра ассоциации, связанных с этим словом у русских и киргизов. Слово-стимул изба вызывает у носителей русского языка, для которых он является родным, специфические представления о предметах и явлениях исконно русского быта: печь (5), срубленная (5), бревна (по 2), бабушка, горница, домишки, древняя, забор, закопченная, земляная, кособокая, лубяная, неудобная, развалившаяся, светелка, скамейка, сруб (по 1) и др. Если у русских имеют место массово представленные ассоциации, то у киргизов они появляются как единичные: деревянная (Р – 38+3 в словосочетаниях, К – 13), хата (Р – 26, К – 13). Всего русские дали 73 ответа-ассоциата, а киргизы – 48 (из 300 информантов), т. е. почти вдвое меньше.

Свидетельством того, что у обучаемых не накапливается ассоциативный фонд, позволяющий им воспринимать ее существенные коннотативные аспекты, если учебные курсы не акцентируют этнолексему в данной мере, является и то, что для большей части испытуемых-киргизов, например, слово береза еще не стало “сигналом специфики русской культуры” (Ю.А. Марковина, 1988). Только у троих возникли ассоциации “русская”, “русское дерево”, “русский лес”, а обычные – большая (13), высокая (13), белое дерево (3) и т. п. Что же касается представлений русских школьников, то при слове береза у них возникает перед глазами и светлый образ Руси, России, родины: русская (41), Россия (13), Русь (3), родина (2), образ тонкой, златокудрой девушки-красавицы в белом сарафане, воспетой Есениным, Лермонтовым: в белом сарафане, девушка, Есенин, златокудрая, красавица, рисунок Лермонтова – по одному и др.

Как же воспринимают киргизские ребята картины “пляски с топаньем и свистом”, на которую “смотреть до полночи готов” был русский поэт М.Ю. Лермонтов? Ведь пляска – явление не свойственное традиционной культуре киргизского народа, однако характерное для культуры не только русского, но и некоторых других народов Европы. Это подтверждается и материалами ассоциативного эксперимента. Вот таковы представления русских и киргизских учеников о пляске: быстрый танец (Р – 116, К – 0), веселая (Р – 29, К – 5), веселье (Р – 24, К – 1), хоровод (Р – 17, К – 19), праздник (Р – 15, К – 0), быстрая (Р – 14, К – 0), весело (Р – 13, К – 2), задорная (Р – 2, К – 0), удалая (Р – 2, К – 0), бешенная, вихрь, гулянье и др. (по одному у русских).

У киргизских школьников на первом месте стоит ассоциация петь (К – 60, Р – 0), затем танец (К – 60), танцевать (К – 2, Р – 2). Это, видимо, объясняется тем, что киргизский народ в прошлом не имел своей развитой национальной хореографии, но имел развитое песенное творчество. А на киргизский язык слова пляска и танец переводятся одним словом – бий (танец). Различается и количество ассоциаций: у 139 из 300 киргизских учащихся при слове пляска не возникает никаких представлений (Р – 0).

Итак, самоочевидно: для того, чтобы слова изба, береза, пляска и другие, появляясь на страницах учебных текстов курса русской литературы в киргизской школе, вызывали у учащихся хотя бы приблизительно такие ассоциации, то есть те, на которые рассчитаны, например, микрообразы с избой в произведениях Пушкина, березой у Есенина и Лермонтова, пляской у Л.Н. Толстого и М.Ю. Лермонтова и др., необходим хорошо продуманный комплексно-синтетический этнокультуроведческий комментарий, предложенный киргизскими методистами и уже не раз проверенный на практике [6].

Иначе, нерусские учащиеся не почувствуют должным образом приметы деревенской Руси, столь дорогой сердцу поэта в строках “Родины” М.Ю. Лермонтова: “...избу, покрытую соломой...”, “...чету белеющих берез...”, “... пляску с топаньем и свистом...” и др.

Результаты этнопсихолингвистических исследований, изложенные в ассоциативных словарях, призваны содействовать педагогическому сопряжению языков и культур при изучении произведений русской художественной литературы как в русской, так и национальной аудитории. В том числе и в методике обучения русскому языку как иностранному. Помочь педагогу-практику и методисту могут и подготовленные на основе данных этнопсихолингвистических экспериментов различные учебные комплексы этнокультурно ориентированных пособий. В частности это могут быть развернутые комплексно-синтетические комментарии к этнокультуроведческой лексике произве-

дений литературы, толковые этнокультуроведческие словари др. [7]. Все это, несомненно, будет способствовать созданию и моделированию необходимых фоновых знаний у учащихся национальных школ для адекватного и глубокого восприятия и понимания иноязычных/инокультурных художественных текстов.

Литература

1. Брудный А.А. Проблема семантической адекватности: к психологическим основам межкультурного понимания / А.А. Брудный, Д.Т. Сыдыкбекова // Рус. яз. и лит. в кирг. школе. 1990. № 3.
2. Манликова М.Х. Этнокультуроведческая лексикография: научные основы, пути становления и развития / М.Х. Манликова. Бишкек, 2006. 514 с.
3. Клименко А.П. Ассоциативный эксперимент в ряду других методов семантических исследований / А.П. Клименко, А.Е. Супрун // Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А. Леонтьева. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 17–24.
4. Манликова М.Х. Этнокультуроведение на уроках русской литературы / М.Х. Манликова. Бишкек, 2005. 396 с.
5. Манликова М.Х. Ассоциативный словарь русской этнокультуроведческой лексики / под ред. Л.А. Шеймана / М.Х. Манликова. Фрунзе: Мектеп, 1989. 120 с.; Манликова М.Х. Русский язык и русская культура: ассоциативный этнокультуроведческий словарь / М.Х. Манликова. Бишкек, 2005. 386 с.
6. Шейман Л.А. Комплексно-синтетический этнокультуроведческий комментарий в курсе русской литературы / Л.А. Шейман. // Этнокультуроведение: педагогическое сопряжение языков и культур: в 2 ч. / ред.-сост. М.Х. Манликова. Бишкек: КРСУ, 2014. С. 156–178.
7. Манликова М.Х. Русский язык и русская культура: этнокультуроведческий словарь / М.Х. Манликова. Бишкек, 2005. 368 с.; Этнокультуроведческий анализ художественного текста: сб. ст.: в 2 ч. / ред.-сост. М.Х. Манликова. Бишкек: КРСУ, 2014.